

Ленинград, 14 июня 1988 года. История одной фотографии

Дата: 14 июня 1988 г.

Место: Ленинград

Описание:

Весь тот вечер – 14 июня 1988 года – я чувствовал, что на моих глазах происходит историческое событие.

Фото: Владимир Меклер 1988 © (homepage)

Несколько часов передо мной стояла толпа людей, которая в полной тишине слушала других людей, выступавших со сцены. Тишина слушавшей толпы не обманывала – люди, собравшиеся тогда в Юсуповском саду в Ленинграде, как говорится, затаили дыхание. Сам я стоял на сцене летней концертной площадки и вместе с Еленой Зелинской вел массовый митинг, посвященный жертвам политических репрессий.

Действительно, с той сцены в тот вечер звучали слова, которые прежде открыто не звучали, а произносили их люди, которым раньше не разрешали говорить публично.

Нам с Еленой довелось вести тот исторический митинг: называть имена выступавших, как-то связывать темы, комментировать. Думаю, что митинг длился часа три. Но когда мы решили закрыть его, посчитав аудиторию уставшей, то почувствовали, что люди готовы были слушать еще и еще. Шел разгар Белых ночей, в 10 часов вечера было совсем светло, и это усиливало впечатление, что расходиться было рано. И действительно, там и сям в саду собирались кучки людей, которые при странном ночном свете обсуждали услышанное.

Теперь этот вечер считается официальной датой основания Ленинградского (Петербургского) общества «Мемориал». Спустя тридцать лет, 14 июня 2018 года, участники того митинга собрались вновь в Юсуповском саду. Но многих не было, так как уже ушли навсегда из земной жизни. Не было и меня с Еленой Зелинской: оба мы последние годы живем вне «новой» России.

В 1988 году, на третьем году Перестройки, говорилось о репрессиях государства против собственного народа. Нельзя сказать, чтобы тема совсем уж была закрыта в СССР. Но, начиная с 1970-х годов, на нее набросили плотную вуаль забвения, а разоблачения Солженицына и других были признаны антисоветскими, опасными и следовательно наказуемыми. Про чудовищный террор 1937-1938 годов и гибель миллионов людей расплывчато говорилось как о некоем «культе личности». Имя «личности» при этом не называлось.

В Перестройку, когда власти весьма осторожно приоткрывали запрещенные прежде пространства, сведения о Большом терроре постепенно становились достоянием публики. Для большинства это прозвучало как откровение.

Но не для меня. Мой отец имел странное увлечение – он собирал материалы о сталинских репрессиях. Среди этих материалов были машинописные, например, письмо Федора Раскольников к Сталину, были печатные книги о ГУЛАГе, которые вышли во время хрущевских разоблачений, но потом были изъяты из библиотек, были, наконец, результаты его собственных изысканий – списки, карточки. Меня, помнится, поражал групповой фотопортрет членов Советского правительства (а может, Центрального комитета компартии) 1920-х годов – над казненными мой отец расставил траурные крестики, и без этой отметки осталось всего лишь несколько голов. Все эти материалы по репрессиям мой отец прятал во вторых рядах книжного шкафа, за собраниями сочинений классиков, так что наши гости ничего не видели.

В 1987 году, к 50-летию начала Большого террора, о репрессиях стали говорить чаще. Тематика советской масс-медиа менялась. Стали меняться и

люди. На моих глазах соотечественники раскрепощались. Раскрепощался и я.

Уже с год как я работал в Советском фонде культуры, который возглавлял академик Дмитрий Лихачев вместе с первой леди СССР, Раисой Горбачевой. В кабинеты фонда, ставшего некоей альтернативой косному Министерству культуры, приходили самые разные посетители. Но их основу – по крайней мере в Ленинграде – составляли люди из бывшего андерграунда (это слово тогда не использовалось), самиздатчики, диссиденты, художники-авангардисты. С некоторыми из них я уже был знаком, посещая Клуб-81, ассоциацию писателей-нонконформистов (и это слово тогда не использовалось).

В первую очередь, среди них выделялся поэт Виктор Кривулин, у которого обнаружился общественный темперамент: он внимательно следил за нашим движением по охране городских памятников, а для меня и он сам был одушевленным памятником петербургской культуры. Именно Кривулин, возможно, впервые в жизни выступавший перед толпой горожан, и попал в центр той фотографии.

В Фонд культуры приходили и известные горожане, которые не пребывали в андерграунде, но считали нужным участвовать в общественных преобразованиях, которые тогда называли демократическими. Помню историков Глеба Лебедева и Дмитрия Мачинского, литераторов Нину Катерли и Самуила Лурье (его все называли Саня) – все они потом вышли на сцену в Юсуповском саду.

Елена Зелинская, мой близкий друг, публицист, литератор, создала свой общественный круг, объединение Эпицентр. В нем выделялись художник Юлий Рыбаков (впоследствии депутат Госдумы), эколог Петр Кожевников. Они были среди организаторов вечера.

Выступления не могли обойтись без жертв репрессий, наших современников, совсем недавно сидевших за свои убеждения в ГУЛАГе. Это были Вениамин (Веня) Иофе и Вячеслав (Слава) Долинин. И эти двое были среди главных инициаторов митинга, потом оба они стали видными деятелями «Мемориала».

Работа в Фонде культуры мне давала еще одну ценную возможность – писать заявки городским властям на разрешение митингов. Это было абсолютным новшеством для советской действительности: следовало на официальном бланке организации заявить тему митинга, место его проведения и предполагаемое число участников. Фонд культуры, благодаря Лихачеву и Горбачевой, пользовался уважением у властей, и такие разрешения я не раз получал. Получил я его и в этот раз.

Мы хотели создать какой-то душевный настрой на митинг – в самом начале вечера из динамиков раздались гитарные аккорды и слова: «Облака плывут в Абакан, / Не спеша плывут облака... / Им тепло небось, облакам, / А я продрог насквозь, на века! // Я подковой вмерз в санный след, / В лед, что я кайлом ковырял! / Ведь недаром я двадцать лет / Протрубил по тем лагерям». Объявлять, что звучала песня барда-диссидента Галича, было не надо – собравшиеся знали его хриплый голос, знали его трагическую судьбу.

Елена Зелинская на открытии несколько раз повторила крылатую фразу «Пепел Клааса стучит в мое сердце» – эти слова принадлежали герою фламандского эпоса Тиллю Уленшпигелю, мстившему за смерть отца, Клааса, сожженного испанской инквизицией. Пепел Клааса стучал не только в сердце Елены. Об этом говорила и филолог Марина Жженова, дочь любимца советской публики, народного артиста СССР Георгия Жженова. Он 17 лет провел в сталинских лагерях и ссылках. Я хорошо запомнил ее выступление, так как мысли Марины совпадали с моими. Она говорила о том, что, в отличие от многих ее сверстников, благодаря отцу, всегда знала правду о кровавой сталинщине, а сейчас эту правду должны узнать все. О том, что должен быть мемориал жертвам репрессий, покаяние, предание огласке имён палачей. О том, что нужно создать общество, которое вернёт нам имена людей, стертых в лагерную пыль. О том, что это наш гражданский долг – долг детей и внуков репрессированных россиян и вообще всех, кто долгие годы жил в страхе.

Очень хорошо помню, как начал свое выступление Саня Лурье: «Я вот стою перед вами и боюсь. Боюсь, что мне за это мое выступление сделают плохо...» И мы физические чувствовали его боязнь, и его борьбу с этой

боязнию. Знаменитое чеховское «выдавливает по капле из себя раба» происходило у нас на глазах.

Боялись ли мы? Боялся ли я? Пожалуй, в тот вечер – нет. Я чувствовал, что вместе с Саней Лурье и люди, слушавшие его, переставали бояться.

К концу митинга со сцены, под аплодисменты, было объявлено о создании ленинградского «Мемориала».

Над нами начинал реять восхитительный ветер свободы. Тогда, в белую июньскую ночь 1988 года нам в Юсуповском саду казалось, что теперь этот ветер никогда не стихнет...

Михаил Талалай

[31 декабря 2022 г.]